

невшими ветками. Долго ли, коротко ли мы проблуждали – но, наконец, пришли туда, где был указатель с названием улицы. Стало ясно, что мы вышли двумя остановками раньше, и я решил добираться до дома пешком, идя вдоль трамвайных путей. Увидев едущий навстречу трамвай, Инна затолкала меня на высокий отвал снега и пять минут там продержала: был риск просто сорваться обратно! Конечно, я разозлился, но решил терпеть – сам согласился на такую спутницу...

Добрались с грехом пополам до дома. У меня тряслись руки и ноги, на лице – смерзшиеся кровоподтеки, на шапочке и воротнике куртки – кровь. Как будто с поля боя пришел! Инна попросила у меня прощения, а я махнул рукой: «Мелочи. Главное – до дома добрались живыми!» Но про себя подумал, что с этой сопровождающей я больше никуда не пойду...

Надо было взять с собой в дорогу белую трость, с ней было бы намного проще – не спотыкаешься, можно уберечься от веток. Но главная проблема – непонимание зрячими того, что «видит» слепой (он, например, запоминает ориентиры, на которые другие не обращают внимания): здесь можно попасть и в худшие ситуации. Вот почему слепоглухие по большей части предпочитают сидеть безвылазно дома или куда-то ходить только с тем, кто умеет сопровождать (главным образом это кто-то из близких). Но часто зрячим некогда или неохота, ведь им невдомек, как много дают слепоглохому человеку такие «вылазки» – встречи с другими людьми, обмен информацией.

Можно ведь создать Службу сопровождения слепоглохих, сотрудниками которой стали бы безработные глухие люди, прошедшие специальные курсы. Хочу надеяться и на то, что правительство РФ окажет финансовую поддержку слепоглохим для оплаты сопровождающих.

Мой случай с Инной – один реальный факт из жизни слепоглохого человека на Руси.

Владимир Елфимов

КРУПИЦЫ ОПЫТА

Если попал в больницу...

Я – позднооглохшая и давно убедилась: если глухой лежит в палате, где лечатся другие больные, есть надежда, что среди них найдутся 1–2 добрых человека, которые помогут неслыша-

щему понять слова медсестер, врачей. А если лежишь в одиночку?

К сожалению, далеко не все врачи охотно идут на контакт с пациентом, который их не слышит (что уж говорить о слепоглухих). Между тем, очень важно, чтобы человек в белом халате имел отзывчивую душу, – это тоже помогает выздороветь больному. Даже единичные случаи равнодушия со стороны медиков (особенно в критических ситуациях) болезненно воспринимаются пациентом.

В последний раз, когда я лежала в больнице, дважды не могла удержаться от слез из-за отказов врачей общаться со мной доступным мне способом – с помощью карандаша и бумаги. В первом случае терапевт, поняв, что я ее не слышу, не желала объяснить, какие лекарства мне назначены и как их следует принимать. Мол, занята, спешу, сестры дадут то, что нужно... Но ведь любой больной должен лечиться осознанно, а не как кошка, которой всё можно в рот сунуть.

А во второй раз меня до глубины души обидела грубость невролога. Она наотрез отказалась мне писать, требовала, чтобы я понимала ее речь по губам! Но чудес не бывает: кто не обучен, тот не поймет... К тому же, когда тема разговора важная, я всегда предпочитаю, чтобы мне писали, – только так я буду уверена, что правильно поняла человека. Может быть, врачи боятся писать, потому что не хотят оставить «документальное доказательство» своих возможных ошибок в руках пациента? Не хочется так думать...

В описываемом последнем случае я поплакала немного и решила переломить ситуацию по-доброму – сама написала врачу письмо! Впервые, на третий день после того, как повторно отнялась правая рука! Почерк был, как у двоечницы-первоклашки, буквы получились неровные и огромные. Написала не о конфликтной ситуации, а о том, что лечение мне помогает, поблагодарила за это! Во время очередного обхода я с улыбкой протянула лист бумаги неврологу и сказала: «Я вам написала письмо!» Она, кажется, была приятно удивлена и после этого стала писать и мне – коротко и ясно... А в ситуации с терапевтом мне помогла отзывчивая соседка по палате – она сама поговорила с доктором и принесла от нее записку со схемой лечения.

Рассказываю об этом, чтобы узнать, как другие читатели «ВС» приспособляются в общении с врачами и другими незна-

комыми людьми в разных жизненных ситуациях. Буду благодарна за отклики!

Нина Соловцова

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

Публикуем первую главу воспоминаний Галины Васильевны Васиной – старейшей и любимой учительницы, обучавшей несколько поколений слепоглухих детей. В первой части воспоминаний – рассказ о начале ее педагогической деятельности под руководством замечательного ученого, профессора И. А. Соколянского.

Редакция благодарит Татьяну Александровну Басилову, зав. кафедрой специальной психологии Московского городского психолого-педагогического университета, за подготовку материала к печати и подбор фотографий.

Первые шаги в профессии

В 1953 г. после окончания московской средней школы я поступила в Педагогический институт им. В. И. Ленина на дошкольное отделение дефектологического факультета. Учиться было

И. А. Соколянский

очень интересно – столько нового, необычного для меня!.. Однажды на встречу со студентами деффака пришел профессор Иван Афанасьевич Соколянский со своей ученицей Ольгой Ивановной Скороходовой. Тогда она уже была научным сотрудником НИИ дефектологии. Встреча состоялась в самой большой аудито-

рии главного институтского корпуса. В то время о слепоглухих было мало что известно, поэтому зал был битком набит слуша-